

Татьяна Огородникова

Скажи что-нибудь хорошее

Эта история не очередной роман, это кованая философия счастья.
[Сергей Шакуров](#)

После этой книги я подвинула светлые настроения сразу несколькими
спичкам мне плаagne

[Екатерина Стрижикова](#)

Абсолютно неожиданная развязка. Рекомендую.
[Андрей Малахов](#)

Татьяна Андреевна Огородникова

Скажи что-нибудь хорошее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6702543

Татьяна Огородникова. Скажи что-нибудь хорошее: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-077502-6

Аннотация

История, рассказанная Татьяной Огородниковой – это не очередной роман, это новая философия счастья, это возможность почувствовать себя Человеком, у которого все будет хорошо. Попробуйте – и у вас обязательно получится.

Содержание

1. Матвей	5
2. Георгий	7
3. Матвей	10
4. Георгий	12
5. Матвей	15
6. Георгий	17
7. Матвей	19
8. Георгий	22
9. Матвей	25
10. Георгий	28
11. Матвей	31
12. Георгий	34
13. Матвей	37
14. Георгий	40
15. Матвей	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Татьяна Огородникова

Скажи что-нибудь хорошее

Если бы на одно мгновение Бог забыл, что я всего лишь тряпичная марионетка, и подарил бы мне кусочек жизни, я бы тогда, наверно, не говорил все, что думаю, но точно бы думал, что говорю.

(Габриэль Гарсиа Маркес)

Книга Татьяны Огородниковой относится к жанру мейнстрим, однако не стоит обманываться. Просто развлечься занимательным сюжетом читателю не удастся. Роман рождает гораздо больше и несет в себе черты классической русской литературы. А именно: изучение человеческой души, попытку осознать такие понятия, как «счастье», «долг» и многое другое...

Михаил Швыдкой

История, рассказанная Татьяной Огородниковой, – это не очередной роман, это новая философия счастья, это возможность почувствовать себя Человеком, у которого все будет хорошо. Попробуйте – и у вас обязательно получится.

Сергей Шакуров

Скажу честно, в наши дни очень хочется говорить что-то хорошее и доброе. Обычно с языка срывается что-то не очень печатное. После этой книги я подарила светлое настроение сразу нескольким близким мне людям. Просто сказала добрые слова. Татьяна, спасибо!

Екатерина Стриженова

Совершенно невероятный роман, в конце я был совершенно ошеломлен. Абсолютно неожиданная развязка. Ну а истинный смысл книги раскрывается через пару дней после прочтения. Рекомендую.

Андрей Малахов

1. Матвей

– Да пошла ты! – выругался Матвей, стараясь не смотреть цыганке в глаза. Он стремительно уходил прочь, почто бежал. Не потому, что боялся, просто было неприятно и как-то неуютно под ее испепеляющим, почти говорящим взглядом. Матвей уже давненько не встречал цыган у входа на центральный рынок, куда-то они подевались, может, нашли места получше, а может, просто выехали из города. И вдруг откуда-то взялась эта – красивая, жгучая, молодая, с ребенком на руках, вольная, независимая и... страшная.

– Эй, красавчик, подойди, погадаю! – Нежный и одновременно заигрывающий взгляд черных глаз будто гипнотизировал, не давая шансов пройти мимо без предсказания. Матвей не любил цыган в принципе, никогда не верил в их обещания и в этот раз не остановился бы, если бы девка не была так хороша. Она, заметив мгновенное замешательство, сжала руку Матвея мертвой хваткой.

«Ничего себе, силища в таком тщедушном тельце, – подумал Мотя. – Еще и ребенка умудряется держать в другой руке!» Для него, Гоши Матвеева (он же Матвей, он же Мотя), спортсмена-пятиборца, бабника и беспредельщика, хрупкая женская ручка никогда не являлась предметом уважения и почитания. Однако он задержался, чтобы получше рассмотреть красивую цыганку. «Ну и глазищи, хоть дрова поджигай», – думал он про себя, пока та бормотала какие-то заклинания. На какое-то мгновение Моте вдруг стало неуютно. Он резко отдернулся.

– Эй, подожди, красавчик, я главное не сказала! – Она так и осталась стоять с протянутой рукой, вперив горящий взгляд в Мотину переносицу.

Вот тут-то Матвей и послал ее:

– Да пошла ты... – Он развернулся и быстро двинулся прочь. Цыганка засеменила за ним следом.

– Стой, красавчик, не торопись. Только одно скажу: тебе хорошо жить нужно, твой сын повторит твою судьбу. Мне от тебя ничего не надо, ты мне верь. А если не веришь, посмотришь, что сегодня с твоей машиной будет...

– Пошла ты! – с угрозой в голосе почти крикнул Матвей и буквально отпихнул цыганку от себя. Та не стала больше приставать, она просто присела на корточки и долго, минуты две, наверное, смотрела под кузов Мотиного автомобиля.

До сих пор на бордовый триста двадцатый «мерседес» Матвея произошло только одно посягательство. Машина была не новая, но до того, как досталась Матвею, работала в немецкой авиакомпании представительским средством передвижения. Немцы тщательно оберегали автомобиль, ухаживали за ним со свойственной им пунктуальностью, поэтому пятилетний «мерседес», попавший под списание, выглядел и ездил как новенький. Именно этот факт ввел в заблуждение четырех обкуренных кавказских парней, развалившихся в стареньком «форде», который, похоже, тоже попал под дым и вихлялся по дороге вправо-влево. Водитель не скрывал пагубного пристрастия или просто уже не мог скрывать, дымя самокруткой прямо в открытое окно. Но он изо всех сил пытался не сбиться с курса и держаться за бордовым «мерседесом». Мотя давно заметил дымящуюся колымагу, которая откровенно близко мотылялась вокруг его машины. Он пару раз перестроился из ряда в ряд и сделал несколько рывков, чтобы проверить, насколько серьезно настроены обкуренные пацаны. Стало очевидно, что отрываться они не собираются, потому что «форд» судорожно дергался вслед при каждом маневре. Мотя криво усмехнулся и резко вырулил в левый ряд, сделав вид, что торопится повернуть под мигающую стрелку. «Форд» коряво метнулся за ним и чудом остановился в пяти сантиметрах от бампера «мерседеса». Матвей, не глуша мотор, быстро выско-

чил из машины, сделал прыжок к водительской двери колываги и рывком распахнул ее. Он вытащил водителя, как тряпичную куклу, и ткнул его носом в асфальт.

– Дорогой товарищ, если не отстанешь прямо сейчас, будешь ездить за реанимацией, куда твоих братанов заберут. Понял?

– Да, – просопел хач, удивленный отсутствием солидарности у братьев, которые затаились в своей побитой тачиле. Смелость кавказских бандитов была известна Матвею не понаслышке. Они могли постоять за себя, если численное и боевое превосходство было примерно 20 к одному. На сей раз кворума не было, тем более что одного бойца потеряли без боя. Трое остальных в силу одурманенности мозга и слабости в членах не нашли в себе сил дать отпор огромному мужику, который в считанные секунды расправился с их боссом. С тех пор с Мотиной машиной не случалось неприятностей, и никакие бандформирования не посягали на бордовый «мерседес».

Так вот эта сука-цыганка смотрела своими глазищами под кузов любимой машины Моти, а он яростно матерился в салоне, стараясь убедить себя в том, что не верит в цыганские байки, гадания и предсказания. Матвей резко дернул с места, чуть не задев цыганку, сидящую на корточках. Он был почти уверен, что сверток под мышкой гадалки служил неудачной имитацией младенца, слишком уж небрежно она с ним обращалась. В зеркало заднего вида Мотя продолжал наблюдать, как та поднялась, отряхнула юбку, не отрывая взгляда от машины, и, пока он мог ее видеть, все стояла и смотрела вслед.

Матвей держал путь на теннисный корт. Он играл в мультиспорте почти каждый день, корты были зарезервированы на полгода вперед, и даже место для парковки у Матвея было свое. Его никто никогда не занимал, связываться с Мотей было небезопасно для здоровья. Вот и сейчас, подъехав к привычной парковке, Мотя с удовлетворением отметил, что его место уважительно пустует, несмотря на заполненную стоянку. Из-за этой твари-цыганки Матвей немного опоздал, но злость и досада испарились под голос Лепса, которого Мотя просто обожал. Уверенно заехав одним колесом на бордюр, Матвей заглушил мотор, но одновременно с поворотом ключа вдруг услышал глухой удар в днище автомобиля. У Моти слегка засосало под ложечкой, он выругался нехорошим словом, но потом улыбнулся и отогнал мрачные мысли.

«Ерунда», – подумал он, будучи уверенным, что на проверенном месте не может случиться ничего плохого. На всякий случай он вышел посмотреть, что это было. Вот тут-то ему и пришлось вспомнить жгучую цыганку.

Бордюрный камень, на который наехал (и всякий раз до этого наезжал) Матвей, чтобы припарковаться, именно в этот день, час и минуту раскачался до такой степени, что выпрыгнул одним краем из своей земляной могилы и пробил дно бордовой машины, не спросив, кто ее хозяин. Масло из двигателя вытекало не по капле, оно ухнуло мощным потоком в огромную, размером с кулак, дыру, которую проделал бордюр в картере автомобиля.

– Вот сука, – выругался Матвей и присел на корточки, анализируя размеры бедствия. Мимоходом отметил, что неспроста обозвал бордюр женским ругательством. Конечно, на ум сразу пришла черноглазая гадалка. Мотя изо всех сил гнал прочь мысли о ней. Ему вдруг стало страшно, он изо всех сил постарался убедить себя в том, что дурацкая неприятность с машиной – чистая случайность, совпадение, нелепость. Полностью смоделировать достоверную картину не удавалось, в свободные очаги лезли плохие мысли – Матвей пытался вспомнить, что еще говорила цыганка, прежде чем пообещать проблемы с машиной. Тщетно.

Матвей вызвал эвакуатор, дал дежурному охраннику денег, чтобы тот проконтролировал загрузку изуродованного автомобиля, и без всякого настроения поплелся играть в теннис с тренером по кличке Калач.

2. Георгий

Пламя догорающей свечи трепетало от малейших колебаний воздуха. Вот оранжево-желтый язычок отклонился влево, и яркое прозрачное острие испуганно задрожало в попытке удержать равновесие. Через мгновение, вернувшись на место, пламя колыхнулось в другую сторону и вновь обрело покой. Георгий пристально вглядывался в огонек и медленные капельки свечных слезинок, стекавшие на причудливый айсберг застывшего воска. Георгий привык узнавать по свечному пламени, кто и куда метался в коридоре за его спиной. Впрочем, когда у него пропадало зрение и мир погружался в кромешную тьму, Георгий все равно чувствовал дуновения сквозняка и знал, что творится вокруг. Просто в такие моменты он не работал. Не хватало сил. Он ждал, когда зрение вернется, и был уверен, что это произойдет. Рано или поздно, в зависимости от того, насколько и кому он нужен.

Массивная деревянная дверь в комнату Георгия всегда оставалась приоткрытой – так, на всякий случай, чтобы было понятно: он с ними. За много лет, проведенных в добровольном изгнании, Георгий выработал четкую и ни при каких обстоятельствах не нарушаемую систему правил: его подопечные всегда, в любое время дня и ночи должны были знать, что он на месте. Комната не запиралась, даже когда Профессор спал. Он знал, что может понадобиться в самый неожиданный момент, за исключением тех, когда он посещал детский корпус. Тогда тревожить и отвлекать Георгия было строго запрещено, да и не смели. Никто не смел. Потому что все, кто прошел эту школу и остался жив, понимали: малейшее вмешательство извне может стоить жизни ребенку. Кстати, никаким профессором Георгий не был, да и не стремился, это малые из соседнего дома прозвали его так. Может, их смешил задумчивый вид, длинная сидящая пакля растрепанных волос, допотопные очки, болтающиеся на кожаной веревке с множеством узелков, отстраненный взгляд голубых, почти прозрачных глаз странного человека пугающе огромного роста с лицом инопланетянина. Со спины Георгия можно было принять за гигантского неандертальца, чудом прижившегося в этих глухих местах. Впрочем, где, как не здесь, мог еще выжить неандерталец... Стоило только посмотреть в странные прозрачные глаза, а тем более перемолвиться словом, становилось ясно – неандерталец совсем не тот, за кого его принимают с первого взгляда.

Пламя медленно затухало. Острие огонька притупилось и робко подрагивало в такт падающим восковым каплям. Через несколько секунд в комнате наступила полная темнота. Георгий еще немного посидел за столом, вдыхая смешанный с серым огарочным дымком воздух. Профессор вдруг почувствовал, что совсем скоро кромешная темень снова станет его нормальным миром. Он уже давно не пугался этого состояния – привык. Поначалу предчувствие слепоты вселяло в него животный страх, но природа этого страха была особенной. Георгий не боялся потери зрения, он и без глаз мог свободно передвигаться в своем мире, узнавать каждую травинку, чуют весенний бередящий дух, ориентироваться в несложной деревянной постройке, определять людей по собственным параметрам... отсутствие зрения было чревато другой проблемой – в это время Георгий был бессилен, его предназначение теряло смысл, и время останавливалось ровно на тот промежуток, пока свет не возвращался в глаза. Этот процесс всегда имел разную протяженность, но, по сути, этапы восстановления делились на три равнозначных части: сначала темная пелена просветлялась до туповато-болезненной белизны, затем в белизну начинали пробиваться размытые очертания и смазанные цвета предметов и лиц, и, наконец, когда очертания и цвета становились определенными и ясными, можно было начинать работать. Правда, для Георгия понятия видеть, да и слышать, были не так однозначны, как для простого смертного. Полное прозрение профессора наступало в тот момент, когда он мог различать малейшие колебания в энергетической системе человека, не просто видеть, а чувствовать его, переноситься в чужое, закрытое для

прочих, пространство и перемещаться в другом, непонятном для обыкновенного человека, измерении.

Скудная обстановка комнаты, в которой проживал Георгий, вовсе не являлась подтверждением его приверженности к аскетизму. Просто ему было все равно, какие предметы интерьера окружают то, что называется жизнью. Это ведь, по существу, отдельные понятия. Для жизни нужно не так много: люди всегда переедают, перекупают, перепивают, а потом переживают, переделывают, переносят... Георгий любил пофилософствовать, особенно его задевали нестыковки в словообразовании. При том, что Профессор великолепно знал английский и французский, он не терпел в русской речи неологизмов иностранного происхождения. Ему казались нелепыми чужие слова, вторгающиеся в язык предков. Как можно подменить слово убранство антуражем или аксессуарами... Убранство звучит фундаментально, ответственно, торжественно. Что такое антураж и аксессуары – временные финтифлюшки, отдающие свою недолгую жизнь моде или просто текущему моменту... Комната, где Георгий проводил большую часть времени, служила ему одновременно и столовой, и кабинетом, и гостиной. Огромный рабочий стол, прислонившийся одной стороной к окну, наполовину был завален книгами. Со стороны эти завалы могли показаться беспорядком, но Георгий в считанные секунды находил не только нужную книгу, но и нужную страницу и даже строку. Впрочем, хозяин с такой же легкостью отыскивал нужную информацию в любом из десяти огромных книжных шкафов, которые служили основной мебелью в жилище. Какие сокровища можно было найти в этих крепко сколоченных из деревянных досок хранилищах! От древних японских манускриптов до редчайших изданий русских авторов 18 века, словарей норвежского и казахского, полные собрания сочинений Достоевского и Маркеса, научные труды астрономов, филологов и математиков... Отдельная секция была посвящена медицине – два огромных шкафа снизу доверху были набиты исследованиями всего, что было внутри человека, и того, что со всем этим могло произойти...

Кроме стола, стула, книжных шкафов и старой электрической лампы в помещении можно было заметить несколько цветочных горшков с жирными фикусами и геранью и небольшой двухместный диванчик, покрытый шерстяным одеялом бывшего синего цвета. Впрочем, этот диванчик заслуживал отдельного внимания, потому что именно над ним размещался единственный предмет, который можно было отнести к интерьерным изыскам. Сам диван трудно было причислить к украшениям, скорее всего, жить ему оставалось недолго – синее одеяло прикрывало выступающие пружины и затертую до дыр обивку. Тем не менее только эту часть апартаментов можно было выделить, именно туда, на этот диван стремился присесть всякий, вошедший в удивительную квартиру-библиотеку, или библиотеку-квартиру. Ниша, в которой устроился диван, словно обладала магнетическим притяжением, как будто светилась изнутри. Может быть, причиной тому был портрет дамы лет тридцати, расположенный ровно над пожилым диваном. Или, наоборот, сам портрет придавал месту это притяжение, освещал его и привлекал каким-то неведомым светом, струившимся из самого сердца картины. Увидев портрет, равнодушным остаться не мог никто. Все словно замирали на мгновение, а кто и надолго, погружаясь в только им известные мысли. Наверняка кто-то раздумывал о том, кто была эта женщина – мать, жена, просто натурщица... Спросить сурового хозяина почти никто не решался. Впрочем, если и спрашивали, Георгий неохотно бурчал: «Да так...», бросал какой-то тоскливый взгляд на изображение и старался поскорее переключить внимание гостей на другой объект или приступить к делу.

Как бы то ни было, дама обладала невероятной притягательной красотой: ни красное с глубоким декольте платье, ни насмешливая улыбка, ни прекрасные руки с тонкими пальцами не могли отвлечь взгляд от волнующих – про такие говорят «бездонные» – ярко-голубых глаз. Казалось, что именно из их глубины струится то самое притяжение, что заставляло людей задерживаться около портрета. Абсолютная красота должна быть именно такой – она

не измеряется в сантиметрах, объемах и килограммах, не имеет длины и цвета волос, не украшает себя драгоценными камнями и яркими румянами. Осанка, овал, взгляд, энергия... Поразительное открытие посещало тех, кто видел этот портрет: истинное и абсолютное, оказывается, не имеет мер – все достоинства изображения находились за гранью осязаемого. Женщина с портрета была настолько изящна и подвижна, что, казалось, она с легкостью может сойти с холста и присоединиться к земным существам, попить чайку, побеседовать и вновь удалиться на привычное место.

Георгий, похоже, испытывал такие же ощущения, только многократно усиленные. Иногда он подолгу смотрел на даму в красном и даже разговаривал с ней, когда никто не мог увидеть и услышать. Иной раз к его прозрачным глазам подступали слезы, и огромный мужик без всякого стеснения и попытки подавить рыдания отдавался им с каким-то неистовством и безысходностью.

Вот и сейчас, пока никто не тревожил, Георгий подошел к портрету, провел по платью ладонью и надолго замер, вслушиваясь в собственные мысли:

Я бы ценил вещи не за то, сколько они стоят, но за то, сколько они значат. Я бы спал меньше, больше бы мечтал, понимая, что каждую минуту, когда мы закрываем глаза, мы теряем шестьдесят секунд света.
(Габриэль Гарсиа Маркес)

3. Матвей

Происшествие с машиной, по сути, было незначительным. Подумаешь, неудачно наехал на камень, подумаешь, пробил картер, подумаешь, эвакуатор отвез авто на станцию, и через три дня автомобиль вновь обрел быллой ход и авторитетный вид. Все это на самом деле было бы невинно и прозаично, если бы не огненные глаза цыганской девки...

«Плевать, – рассуждал Матвей, – это – трюки для слабонервных. Найду, суку, и узнаю, что она может сделать хорошего или плохого. Ей точно несдобровать...»

Матвей слыл серьезным пацаном, ему не пристало верить в цыганские предсказания. Так, по его мнению, следовало отработать версию неизвестно откуда возникшей опасности. У Моти с детства присутствовало какое-то звериное чутье на неприятности. За свои неполных двадцать шесть он повидал такого, что другие не пережили и за семьдесят. По большому счету вообще можно было считать чудом, что Матвей жив и здоров, что у него есть среднестатистический комплект в виде нормальной пары рук, ног, глаз, ушей и даже головы на плечах. Практически каждый из этих органов в свое время подвергся опасности. Мотя имел все шансы расстаться и с задницей, потому что дед порол хлесткими березовыми прутьями до такой степени, что ни сидеть, ни лежать от порки до порки не было никакой возможности. Папаша сгинул, видимо, слишком скоро после того, как любовный порыв излился в тело красавицы, тогда еще не спившейся матери – невероятно притягательной рыжеволосой портнихи Зойки. Веселая, задорная, острая на язык, похотливая и бесшабашная, Зойка была слаба на передок. Об этом за сто километров до Коряково по сарафанному радио узнавали все проезжающие мимо дальнбойщики. То, что у Зойки родилось только двое детей, – чистая случайность, или Божья воля. Зойка беременела, как крольчиха, и только Матвея со Светкой не смогла изжить со свету до рождения, потому и доносила их до момента появления на свет. Зойка, смеясь, говорила, что все остальные оказались более счастливы. Может быть, она была недалеко от истины. Единственным постоянным мужчиной, который не мог самовольно отказаться от Зойки, был ее отец – могучий и неразговорчивый дед Иван. Огород, пасека, корова Ягодка, дежурные двести грамм самогона за ужином – это все, что интересовало сурового деда. Остальное было придатком непутевой дочери, которая с каждым годом теряла в красоте и здоровье, хотя оставалась веселой беззаботной хохотушкой и плевать хотела на общественное мнение.

– Я для другого в этот мир пришла, разве не понятно? – спрашивала она, когда кто-то пытался образумить ее или сделать замечание.

Если какая-нибудь гадина запускала вслед Зойке нехорошее словцо, та демонстративно притормаживала, медленно поворачивала гордо посаженную рыжую голову и нарочито громко парировала:

– А твоему-то было со мной неплохо... Забыла только, как его звали. Но точно помню – обещал вернуться. – И так же неторопливо продолжала свой путь. Впрочем, в особо неприятных случаях Зойка могла ответить, не произнося ни слова. Она просто наклонялась вперед и задирала подол на поясницу, так, чтобы враги могли своими глазами убедиться в том, что мужики не зря любят Зойку.

Дед Иван только хмыкал сердито и с досадой крутил головой. То время, когда можно было повлиять на мировоззрение дочери, было давно позади. Да и любил он ее безумно, как слепой. После того как мать Зойки умерла от кровотечения при родах, Ивану пришлось стать и отцом, и матерью, и нянькой, и домохозяйкой. Шустрая симпатичная веселая девчонка требовала много внимания и, как только встала на ноги, пыталась помогать папе во всем. Зойка старалась изо всех сил и уже в четырнадцать лет начала приносить папе деньги. В первый раз вопрос «откуда» вызвал бурную реакцию, Зойка считала, что, разрешив погладить себя

проезжавшему мимо дядьке, который подарил ей десять рублей, сделала сразу два добрых дела: одно – для дядьки, который радостно пыхтел и потом натужно кричал, но, похоже, от счастья, а второе – для отца, который за эти десять рублей мог поехать на рынок и купить новую точилку для ножей, удобрения, лекарства и рубаху.

– Откуда? – Почему-то отец поначалу показался злым.

– Заработала, пап! – Зойкин голос звенел от восторга, она знала, что отцу нужна помощь.

Иван с надломом в голосе спросил:

– Как заработала? – Он сел, обхватив голову огромными ручищами.

– Просто. – Зойка засмеялась. – Я могу так сколько хочешь заработать.

– Как? – В голосе отца послышались гневные нотки, в таких случаях лучше было отвечать сразу, без хихиканий.

– Дядька из грузовика попросил меня сесть в кабину...

У отца глаза налились кровью, он как-то весь напрягся, сжал кулаки и теперь давил ими на виски.

– Как?! – повторил он, повышая голос.

Зойка почувствовала, что дело пахнет керосином. Она действительно не понимала, что ее поступок в чем-то плох, мало того, просто не знала, в чем, если даже это было и так. Инстинктивно девчонка сообразила, что не нужно рассказывать отцу, чем она занималась в машине. Она просто сидела. И это была чистая правда. Все остальное делал сам дядька, но при этом Зойке не было противно. Даже наоборот.

– Он мне рассказывал истории про свою жизнь, я слушала.

– И все?

Зойка почувствовала, что отец знает больше про то, чем занимаются в кабинах дальнобойщиков. Единственное, что она могла добавить, призвав на помощь свой детский ум, было:

– Нет, отец. Он рассказывал мне про своих детей, например, что его дочка – точно моя копия, он не может ее видеть, потому что ее мама завела себе другого дядю. А он очень скучает, поэтому, когда увидел меня, попросил с ним поговорить.

– А деньги зачем дал?

Зойка поняла, что отец заглотил наживку.

– Сказал, чтобы я купила себе все, что хочу. Потому что его дочке мать не разрешает брать у него деньги.

Это был пробный шар, он мог оказаться лишним, но сработал. Иван налил свои дежурные двести пятьдесят и залпом осушил стакан. А Зойка с этого момента была зачислена на первый курс института древнейшей профессии – в одном из классических и худших ее вариантов.

4. Георгий

– Ну когда же, скоро приедем? – нетерпеливо бормотала Евгения, преодолевая очередной приступ дикой, раздирающей изнутри боли.

Ее маленькая, белокурая голова лежала на коленях у Пашки, который изо всех сил старался смягчить удары и мотания от выбоин и неровностей лесной просеки, по которой и в лучшие времена пробегал разве что дикий зверь или охотник. А сейчас узкая тропинка и вовсе заросла травой и буреломом, выпирающие корни деревьев создавали дополнительные препятствия для странников, по каким-то причинам решившим нарушить заповедный покой этих глухих мест.

– Потерпи, милая, думаю, немного осталось. Сказали же в деревне – пять верст. Кто их знает, сколько это – пять верст? Может, как пять километров, а может, версты – как мили... Тогда еще придется повозиться.

– Верста – пятьсот саженой, чуть больше километра... – Евгения передохнула и добавила: – Бабушка научила. Так сколько еще осталось?

Вместо ответа Пашка нежно провел ладонью по ее высокому лбу и вдруг сильно надавил большими пальцами на виски, так, чтобы до боли, чтобы хоть немного отвлечь бедняжку от мучений. Та, видимо, поняла, и хотела благодарным мычанием выразить свое понимание, но, издав короткое «ММ...», погрузилась в беспамятство.

– Скорее, братан! Можешь скорее? – Пашка умоляюще вопрошал возничего, который, казалось, никуда не торопился. Отвечать он тоже не спешил.

Сердито пожевав губу, возничий изрек:

– Да некуда вам торопиться. Не успеете – не судьба, значит, а если судьба, то все равно успеете...

Пашка, не будучи филологом по образованию, высоко оценил сущность изречения водителя одной лошадиной силы. Да и Евгения, похоже, перестала спешить. Наверное, извозчик знал, что имел в виду, когда делал свое глубокомысленное заявление. Уж он-то точно насмотрелся в этих местах всякого.

Возничий со спины имел устрашающий вид. Огромные сутулые плечи и мощные трицепсы казались неотъемлемым атрибутом лесного потрошителя. Ворот потертой безрукавки скрывала грива длинных седых волос, убранных в хвост. Череп имел необыкновенно правильную ровную форму с приподнятым, щенячьим затылком, что с трудом вязалось с туловищем, которому позавидовал бы сам Кинг-Конг. Голос у извозчика был глуховатый, низкий и протяжный. Совсем не страшный, даже какой-то завораживающий. Пашка в глубине души признался себе, что ему хотелось бы поговорить с гигантом, какое-то доверие и спокойствие веяло от него, казалось, именно в сложной ситуации тот мог дать совет, который поможет избежать неприятностей, а то и глобальных проблем. Станный какой-то тип, решил про себя Пашка. Тем более утвердился в своей оценке, когда увидел лицо извозчика и нелепые круглые очки, болтавшиеся на перетертой в тысяче мест кожаной веревке вокруг шеи гиганта. Множество узелков на шнурке свидетельствовало о дефиците рокерских магазинов в этом забытом Богом районе. Заклеенные скотчем дужки и подавно не обнадеживали местных очкариков. Видавшие виды охотничьи штаны со множеством карманов, огромные резиновые сапоги, тельняшка и странного вида жилетка были очень далеки от столичного гламура, в котором до недавнего времени болтался Пашка.

– Просыпайся, приехали. – Слова возничего были сказаны будничным голосом, но Пашка вздрогнул. Он подумал, что в принципе «приехали» может означать все, что угодно. Ведь Пашка толком не понимал, куда и зачем он ехал.

Гигант между тем спокойно припарковал лошадь и вышел из повозки. Глаза. Никогда в жизни Пашка не видел таких прозрачных глаз. Вернее, один раз видел у слепой девочки с собакой-поводырем, и подумал тогда: было бы странно, если бы такие глаза могли нормально работать у земного человека; скорее, они похожи на органы зрения инопланетян. Но этот-то был зрячий, здоровый, сильный и даже красивый. Странно, но после того, как Пашка посмотрел извозчику в глаза, сразу успокоился. Он почувствовал себя на редкость умиротворенно. Это Пашка-то, которого иначе, как Шилом, друзья не звали.

Пашка огляделся вокруг. В темноте едва угадывались очертания неказистого деревянного дома, правда, большого, рядом – сарай с аккуратно сложенными дровами, в сотне метров можно было лишь почувствовать присутствие прочих строений, и то, потому что пахло навозом и парным молоком. Иначе где же коровам жить?..

– Ты бы сейчас не сидел, как боярин на Пасхе, а барышню свою в дом перенес. Ей отдохнуть нужно. – Пашка увидел перед собой отнюдь не гиганта с обличьем убийцы, перед ним стоял обыкновенный, может быть, слишком высокий, атлетически сложенный мужчина. Он подсветил фонариком тропинку и спросил: – Ты хоть понимаешь, куда приехал, Шило?

Пашка точно не говорил возникшему, как его прозвали друзья. Может, заснул и проболтался? Он почувствовал, как в горле собирается противный комок. Кажется, бессонные ночи и постоянные тревоги отбили память, да и вообще, он устал.

– Я не понимаю, куда, но точно знаю, зачем, – буркнул Пашка. – Помоги лучше.

Гигант молча подошел к повозке и, не говоря ни слова, подхватил Евгению на руки, будто она была невесомым перышком. Женщина не издала ни звука. Пашка-Шило молча наблюдал, как громила уносит драгоценный груз в сторону деревянного строения. Он немного растерялся, потому что ждал указаний. Их не последовало. Пашка посидел в повозке еще минуты три, прежде чем рискнул проявить самостоятельность. Он тщательно проверил, не выпало ли чего из коричневой дорожной сумки, которая была наглухо застегнута на все замки, осмотрел посеревшие от пыли новые кроссовки, зачем-то проверил содержимое карманов... Шило просто тянул время, он надеялся, что великан вернется и даст наводку, куда идти и что делать. Но тот не вернулся ни через пять, ни через десять минут. Стало ясно, что ямщики в этой гостинице воспитаны не так хорошо, как портые в тех отелях, где привык отдыхать Пашка с друзьями. Пашка, стараясь не терять лицо, забросил на плечо коричневую сумку и осторожно ступил на землю. Та оказалась мягкой, в меру утоптанной и какой-то теплой. Пашка с сомнением потоптался на месте. Он, уже стоя, еще раз огляделся вокруг. Тишина и покой, сумерки – ни собачьего лая, ни коровьего мычания. На небе огромная круглая луна со странным лицом: глаза, улыбка... неужели правда, что Да Винчи писал Джоконду под воздействием луны... Впрочем, Пашке Джоконда не то, чтобы не нравилась, он считал человеческое преклонение перед ее ликом диким, нелепым заблуждением. Джоконда, она же Мона Лиза, по мнению Шила, была редкой уродиной и вообще не имела права показываться на люди без забрала или паранджи. Тот факт, что этим ужасом восторгался весь мир, говорило только о том, что большинство мужиков не были в России – виз не давали в то время, и ехать далеко. Потому, когда Да Винчи нарисовал луну, а потом приделал к ней волосы, все закричали, что это красиво только от того, что сам Да Винчи нарисовал телку. Лучше бы поймал на улице нормальную проститутку и заставил ее улыбаться – с зубами, как положено. Наверняка тогда тоже были нормальные девушки. Худые, длинноногие, с губами, а не щелью вместо рта...

В раздумьях о стандартах красоты Шило поплелся вслед за огромным мужиком, осторожно ступая по тропинке, протоптанной, видимо, сто лет назад. Пашка ощущал себя странно. Ему показалось вдруг, что он прилетел на другую планету и резко, тоскливо захотелось вернуться к себе, на Землю. Он на мгновение почувствовал себя лишним, но вспомнил,

зачем приехал, и успокоился. В конце концов, одна тропинка, один дом, один вход. «Куда мы денемся с подводной лодки...» – попытался пошутить про себя Пашка.

Я бы шел, пока все остальные стоят, не спал, пока другие спят. Я бы слушал, когда другие говорят, и как бы я наслаждался чудесным вкусом шоколадного мороженого. (Габриэль Гарсиа Маркес)

5. Матвей

– Догулялась, – только и сказал дед Иван, сплюнув под ноги, когда у Зойки появился заметный кругленький животик.

– Да уж, твоя правда. А что я могу с этим сделать? – наивно спросила Зойка отца, будто и впрямь надеялась получить действенный совет.

– Теперь уже только выродить, – угрюмо ответил Иван и добавил: – Только смотри, если девку родишь, удавлю своими руками. Мне больше таких денег не нужно. Хватит.

Больше до рождения ребенка Иван не удостоил дочь ни одним словом. Если нужно было согласиться, он молча кивал. В противном случае просто отворачивался и фирменно плевал себе под ноги, демонстрируя презрение и обиду. Зойка, однако, не горевала. Она и беременная продолжала заниматься любимым делом, так как факт беременности не особенно отпугивал клиентов. Уж больно хороша была молодая женщина – веселая, приветливая, безотказная. Дальнобойщики честно оплачивали услуги и давали рекомендации своим приятелям. Бизнес процветал. Беременность казалась просто небольшой проблемой для проведения кулуарных заседаний с членами шоферского профсоюза. Но Зойка где-то слышала, что это временно. Через восемь с половиной месяцев у Зойки родился сын от одного из проезжавших мимо мужчин. Отец простил непутевую дочь, потому что парень получился очень здоровый, симпатичный и голубоглазый.

Иван принял внука сразу и безоговорочно. Это стало понятно, когда он, посмотрев на малыша, вынес вердикт:

– Матвей будет.

– Конечно, конечно, – быстро согласилась Зойка. Она заметила, как у отца увлажнились глаза и дрогнул голос.

Про себя Зойка решила, что ей еще меньше проблем – не надо нудно перебирать имена и придумывать, как назвать этого, в общем-то, не слишком нужного ей парнишку. Впрочем, в свидетельстве о рождении она уже вписала другое имя, но какая разница... Кормить малыша грудью она не собиралась и сразу после родов перетянула грудную клетку длинным вафельным полотенцем так, что еле могла дышать. Отцу наврала, что молока нет, да и по последним медицинским рекомендациям ребенка лучше кормить полезным искусственным питанием.

– Доктора говорят, что там все сбалансировано, а молоко сильно зависит от того, что ест и пьет мать.

Отец только хмыкнул. Это означало, что при таком раскладе точно не надо кормить материнским молоком.

– Выкормим, не впервой... – сумрачно сказал Иван.

Зойка не придавала значения этой фразе, ей нужно было срочно приводить себя в порядок. Философские рассуждения и загадочные присказки – точно не для нее. И так было потеряно почти три месяца, за это время можно и вовсе растерять клиентуру.

Через десять дней Зойка приступила к работе, а дед Иван во второй раз, теперь уже добровольно, принял на себя бремя материнства и отцовства одновременно. Впрочем, возиться с пацаненком ему даже нравилось. Матвей рос радостным, шустрым, беззаботным и беспроблемным ребенком. Он так мало плакал, что иной раз Иван даже сомневался, что парень чувствует боль. Упал, побил коленки, ударился об угол, свалился со стула – потер ушибленное место, пробормотал дежурное «ай-ай-ай» – и снова смеется, резвится и ползает за дедом. Иван растворился в ребенке, он словно начал жизнь заново. Теперь его никто не называл бы стариком. Он сбрил бороду, подтянулся, расправил плечи, будто освободился от гнетущего горя, терзавшего его многие годы. Он действительно чувствовал себя счастливым, что, правда, не мешало ему брать в руки розги, когда из веселого малютки Матвей превратился